

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛАТВИИ

Введение

Русские живут на территории современной Латвии уже много столетий. Это и староверы, переселившиеся в Латвию в XVII-XVIII вв., и православные, компактно переселённые царскими властями в XIX в., и потомки индивидуальных переселенцев царского времени – чиновников, купцов, кустарей.

Известный собиратель русского фольклора Латвии Иван Дмитриевич Фридрих пишет: «Историческое прошлое русских, живущих в тех местностях ..., весьма своеобразно. Процесс переселения их на территорию Латвии продолжался в течении ряда веков и в его основе лежали различные, порой очень сложные историко-экономические факторы.» Среди переселенцев были и торговые люди, и раскольники-старообрядцы, и пленные и больные воины, и ушедшие тягловые и крепостные люди, и насильно перевезённые помещиками целые поселения, и аракчеевские пахотные солдаты, и ищущие заработка рабочие. [Фридрих 1972, с. 3-4].

Но в основном это, конечно, переселенцы советского времени (второй половины XX столетия) – добровольно приехавшие или присланные на работу люди практически со всего Советского Союза. Важным является и вклад других народностей, в основном – славянских (поляков, белорусов, украинцев), представители которых в советское время ассимилировались именно в русской, а не в латышской среде. Кроме того, во время т.н. первой республики (20-30-е годы XX века) и после развала Советского Союза, русская община Латвии оказывалась в какой-то мере отделена от русских России, поэтому её язык развивался иначе. В 20-30-е годы, например, в Латвии использовалось правописание царского времени, игнорируя реформу правописания советских властей. В наше время ввиду существования всемирной паутины и электронных средств связи возможности контактов с зарубежными соотечественниками гораздо больше, но всё равно среда и различия системы образования (например, с 2006 года в 10-12 классах всех русских школ Латвии 60% уроков должны проводиться на латышском языке [LR АМ 2010]) влияют на развитие языка.

Сельские говоры русских этнических групп

В Латвии более или менее компактно проживали несколько больших русскоязычных групп. Вот что об этом пишет филолог М.Ф.Семенова: «В настоящее время намечаются три основные группы говоров. Первая группа – это говоры обрусевших белорусов по южной и юго-восточной окраине Латгалии (с XVI в.). Вторая группа – это старообрядческие говоры с псково-новгородской основой (с конца XVII в.), распространённые в центральной части Латгалии. Третья группа – это говоры переселенцев с соседних псковских земель (со второй половины XIX в.), сохранившие в наиболее чистом виде свои исконные языковые особенности. Они распространены на востоке Латгалии и доходят приблизительно до Резекненского района. Имеются также переселения другого времени и другого

происхождения, но их говоры в основном примыкают к трём вышеназванным группам.» [Семенова 1972, с. 13]. Некоторые исследователи иногда выделяют как отдельную группу также православных жителей Олуксненского района (Восточная Лифляндия).

Белорусы, конечно, считаются (и являются) отдельным народом, но, учитывая близость белорусского языка к русскому и совместную среду проживания русских и белорусов Латгалии, а также отсутствие образования и официального общения на белорусском, они, по сути, являются русскоязычной группой. Не так просто с поляками, так как: 1) польский язык не так близок русскому как белорусский; 2) польский язык несколько столетий в Латгалии был одним из официальных и церковных языков. После II мировой войны в Латгалии ликвидировали польские школы, граница с Польшей отодвинулась от Латгалии (так как кусок Польши ввели в состав Белорусской ССР и Литовской ССР) и оставшиеся поляки начали ассимилироваться – и в русской, и в латгальской среде. Поэтому можем говорить о польском субстрате и в русской, и в латгальской речи, но всё же не можем поляков Латгалии считать русскоязычной группой.

Семенова так же достаточно подробно описывает общее и различное в говорах вышеуказанных групп. «В области фонетики такими общими чертами являются аканье, сильное яканье, редукция во втором предударном и заударном слогах, лексикализованное фонетическое явление (*вси, йисть*), наличие *ч* твёрдого (например, *чистый, чорный*), аффрикаты *шти* и *ждж* (*штитиу, вожджы*), отвердение губных (*сем, кроф*), протетическое и интервокальное в (*вокны, вулица, вухваты, возеро, радива*). В области ударения характерным является сохранение ударения на основе в глагольных формах женского рода прошедшего времени (*взяла, брала, спала*), на окончании в винительном падеже единственного числа имён существительных на *-а* (*руку, ногу*) и в некоторых других случаях (*дача, сама, должон*). В области морфологии имеет место употребление местоимений типа *той, тая, тое; евоный, ейный, йон*. Из синтаксических особенностей повсеместным является употребление деепричастия в роли сказуемого (*он уехавши*), совпадение формы творительного падежа множественного числа с дательным (*шли с песням*), употребление формы вопросительного местоимения *кого* вместо *что* (*кого ты делаешь?*).¹ Однако каждая ... имеет и свои существенные отличия. Так, для первой группы характерно наличие диссимилятивного аканья, *г* фрикативного, *р* твёрдого, переход *х* в *к* (*корошо*)² и наличие мягкого *т* в 3-м лице глаголов. ... Для второй и третьей группы характерно наличие недиссимилятивного аканья, *г* взрывного, различие твёрдого и мягкого *р*, сохранение *х* и наличие твёрдого *т* в 3-м лице глаголов или отсутствие его. Для третьей группы, кроме того, характерно остаточное явление цоканья с твёрдым *ц* на месте этимологического *ч* и шепелявое произношение свистящих *с, з*. В области лексики ... в первой группе встречаются, например, слова *ваверка, цыбуля*, а во второй – *векиа, белка, лук*; во второй группе – *грибы*, в

¹ Возможно, это влияние латгальского языка: в нём (да и в латышском тоже) и живые существа, и предметы обозначаются местоимением *kas*. (*Что ты делаешь? = Kū tu dari?*)

² В латгальском языке *х* отсутствует вовсе и в заимствованиях переходит в *к* (в основном (*kuturs*), *г* (*gekters*) или *ц* (*arciveiskups*)).

третьей – *блицы*. Слово *жито* во второй группе обозначает *рожь*, а в первой и третьей – *ячмень*...» [Семенова 1972, с. 13] Далее автор отмечает, что имеются различия и лексико-семантического порядка, а также различия разного рода в пределах одной группы.

Со слов Сергея Олёнкина, руководителя студии аутентичного фольклора «Ильинская пятница», занимающегося русским фольклором Латвии уже много лет, несмотря на очевидные различия (например, произношение *z* у белорусов фрикативное, а у староверов – взрывное), все группы имеют и многие схожие черты, например, *ч* и *те*, и другие произносят более твёрдо (как польское *cz*). Олёнкин считает, что некоторые черты сохранились с кривичевских говоров.³

Собиранием и изучением староверческих говоров Латгалии уже много лет занимаются в Даугавпилсском⁴ университете⁵, на данном этапе исследованиями руководит Елена Королёва. В одной из публикаций Королёва достаточно подробно анализирует особенности лексики староверческих говоров Прейльского района, рассматривая также их изменения во времени, что возможно благодаря изданному в Риге первому словарю говоров прибалтийских старообрядцев [Немченко, Сеница, Мурникова 1963]. Автор отмечает, что «для ... говоров характерно иное членение пространства и предметных областей ... наблюдается ... детализация в именовании предметов и понятий сельского быта», например, «*сюкочка, сюкалка, сюкалёнок* ‘маленький жеребёнок’; *перезимок* ‘жеребёнок на втором году жизни’; *боронка* ‘жеребёнок на третьем году жизни’; *третьяк, в соху* ‘трехлетний жеребёнок’; *протипятый* ‘лошадь на пятом году’; *коленка, коленочка* ‘теленёк на втором году жизни’; *третьячка* ‘корова на третьем году жизни’; *нетель, неполная* ‘молодая, еще ни разу не телившаяся корова’; *яловка, яловая* ‘нестельная корова’; *молочник* ‘совсем маленький поросёнок, питающийся молоком’; *подсвинок, подсвиняк* ‘поросёнок от одного до трех месяцев’; *порсюк* ‘поросёнок от четырех до восьми месяцев’; *боров* ‘годовалый поросёнок’; *килун* ‘нехолощенный самец’; *выкладыш* ‘холощенный самец’; *зимарь* ‘поросёнок, появившийся на свет осенью и оставляемый на зиму’».

Королёва также отмечает, что носители говоров осознают и формулируют отличия своего языка: «*Отца – батя, не зовут папа, а батя; Тутака яма для картошки. Давней говорили гульба; Говорят крыжовник, а в нас ягрест; Не звали кухня, а перед; Веники висят на избы. Чердак – это уже по-городскому; Каменка в байны, а во рью – печка; У нас по-русски кнут, а поляки – бизун; Давней были рёлки, рёлка называли, а какая та рёлка – не помню, дед говорил рёлка ‘участок земли’; Ставочка – раньше так называли писательную ручку.*»

Автор выделяет пять видов изменений в лексике: 1) «предмет или явление сохраняется, но меняется его название: *керосин* называли *газом*, *ручки* для письма называли *ставочками, самописками*, *белку* – *вавёркой, векшей, солонку* – *солныцей*, *участок земли* – *вортой, пляцем, рёлкой, прорубь* небольших размеров, *лунку* – *тюшкой*.»; 2) «предметы уходят из употребления вместе с названиями ... :

³ К слову, по-латышски русских называют *krievi*, а по-латгальски – *krīvi*, так как кривичи были доминирующим славянским племенем на соседних территориях.

⁴ Город также известен как Двинск, Динабург, Дюнабург.

⁵ В советское время – Даугавпилсский педагогический институт.

молоко обливанное 'топленое молоко, в которое кладут творог, сметану'; *из-под камня молоко кислое* 'название кушанья...': *в кадки творог под камень ложут, положут донь, камень наверх, обливают сывороткой иль водой, андарак* 'широкое женское платье или юбка из материи любого цвета', 'изношенная или неаккуратная одежда'; *картунник* 'сарафан из ситца'; *сак, сачок* 'короткая женская одежда на вате'; *штофник* 'сарафан из домотканой материи с клиньями, который носили в моленную'; *шубейка* 'сарафан из ситца на шлейках со складками'; *рычки* 'лапти из толстой кожи'; *гасюлька* 'самодельная керосиновая лампа без стекла'; *глячок, ляк* 'жестяная емкость для хранения керосина'; *низок* 'блюдец'; *ночѣвка* 'выдолбленное из дерева корыто'; *суди* 'два ведра воды, принесенные на коромысле'; *плавки, поплавки* 'скрепленные между собой две связки соломы или тростника, с помощью которых дети учатся плавать'; *пура* 'старинная мера веса, три пуда'⁶; *клеть* 'амбар'⁷; *склеп* 'погреб'; *валильщик, валельщик* 'специалист по изготовлению валенок'; *кадолник* 'лесосплавщик'; *заводничий* 'человек, знающий рыбные места, руководитель рыболовецкой артели'; *пешельник* 'человек, пробивающий пешней лед'; *езель, мельщик* 'мельник'; *мурицк, мурник* 'печник'; *арфовать* 'очищать зерно с помощью веялки'; *орать* 'пахать землю'; *вечерина* 'собрание молодежи для развлечения'; *кирмаш* 'ярмарка'; *супрядка* 'посиделки'⁸; *дожинки* 'праздник по случаю окончания жатвы'; *покопки* 'окончание копки картофеля'; *помолотки* 'коллективная помощь при молотьбе'; *хлебины* 'угощение в доме родителей невесты через неделю после свадьбы'.»; 3) «активизируются слова, неупотребительные в советские времена ...: *волость* [вместо *сельсовет*]; *копец* 'межевой знак'»; 4) «для обозначения новых реалий создаются новые слова, окказионализмы: *автобусник, асфальщик, барицк* 'владелец бара', *безработчик* 'безработный', *биржевик* 'безработный, стоящий на учете на бирже труда', *навученец* 'студент', *спонсориха, уборщик* 'мужчина, выполняющий работу уборщицы', *ушелец* 'человек, покинувший родные места', *фотографщик* 'фотограф', *шибник* 'человек, охотно выполняющий любую оплачиваемую работу'»; 5) «новые предметы называются старыми словами. Так, *жаровней* называют тостер, а новые пятиэтажные каменные дома – *мурами*». [Королёва 1998, с. 8-11]

Интересным аспектом, доселе серьезно неисследованным, является наличие многих лексических сходств в говорах староверов Латгалии с говорами латгальского языка. Довольно часто совпадающие единицы отличаются и от русского литературного языка, и от латышского, например, *гульбы* - *guļbis* (порусски – *картошка*, по-латышски – *kartupeļi*), *заходите в середину*⁹ – *ajte vudā*¹⁰ (по-русски – *заходите во-внутрь*, по-латышски – *nāciet iekšā*).

⁶ По-латгальски – *puurs*, по-латышски – *pūrs*.

⁷ По-латгальски – *kliets*, по-латышски – *klēts*.

⁸ По-латгальски – *suprādkys*.

⁹ Механик автосервиса под Прейлями, например, говорит *Загоняй машину в середину!*, т.е., в бокс (наши наблюдения).

¹⁰ *vuds* по-латгальски – *середина*, а *iekšas* по-латышски – *внутренности*.

Современная городская речь

Современная русская городская речь Латвии – явление очень неоднородное. Различий много, и на них влияют много факторов, но основные – региональные и возрастные. В плане региональных скорее выделяются две основные группы – Латгалия (Двинск, Режица¹¹) – нелатгалия (Рига, Либава¹², Виндава¹³, Вольмар¹⁴), так как в Латгалии городская речь подпитывается окрестными сельскими говорами¹⁵, а русскоязычные Лифляндии и Курляндии – в основном приезжие из более далёких мест или их потомки, горожане уже несколько поколений. Возрастной фактор тривиален – речь более старых людей содержит больше диалектальных особенностей, а более молодых – больше жаргонных элементов.

Так, Королёва описывает черты городского просторечия Даугавпилса (в городе главным языком общения является русский, так как большинство населения – русские, а, учитывая русскоязычных поляков, белорусов, украинцев и евреев, русскоязычных более 80 процентов).¹⁶

Автор рассказывает об особенностях:

– фонетических – редукция и аканье: *коль кустов жили*, протетическое [j]: *ён, яна, яны*;

– акцентуативных – *брáла, бы́ла, бе́ру, набéрем, руку́*, дочкá;

– синтаксических – неизменяемые формы на *-(в)ши* в роле сказуемого: *Евоного дедушку были порезавши*; дательный падеж вместо у с родительным: *Мне нет телефона*¹⁷; особенности глагольного и именного управления: *Я со Светы удивляюсь*; *Сейчас эпидемия на грипп*; особенности прикомпаративного управления: *Помоложе за меня Артемон*; препозиция присубстантивного генетива: *Кобылы хозяйки дочка меня подняла*; именительный падеж в безличных предложениях с предикатом *надо*: *Кому морковка надо?* и др.;

– лексических – *братова* 'жена брата', *брыдко* 'неприятно', *в обликпу* 'в обтяжку', *вовсё* 'постоянно', *вольник* 'непослушный ребёнок', *вяпла* 'неприспособленный к жизни человек', *горазд* 'очень', *грабить* 'сгребать', *дерван* 'целина', *добро* 'хорошо', *ижно* 'даже', *каляный* 'жесткий', *колкий дед* 'репейник', *крупеня* 'суп из крупы', *могилки* 'кладбище', *обабок* 'подберёзовик', *памжа* 'несчастье', *перекутиться* 'потерять равновесие', *рабарбар* 'ревень', *сподряду* 'подряд', *тая* 'та', *трахала* 'рассеянный человек', *файно* 'здорово', *читый* 'трезвый', *чисельник* 'календарь', *шувлядка* 'выдвижной ящик' и др.;

¹¹ Город также известен как Резекне.

¹² Город также известен как Лиепая.

¹³ Город также известен как Вентспилс.

¹⁴ Город также известен как Валмиера.

¹⁵ Хотя, конечно, Двинск очень своеобразный и самобытный город и от Режицы сильно отличается, в том числе и языком.

¹⁶ По данным Центрального управления статистики, на начало 2010 года в Двинске проживало 52,3% русских, 17,8% латышей и латгальцев, 14,4% поляков, 7,7% белорусов, 2,1% украинцев, 1,0% литовцев и 4,7% представителей других народностей. [CSP 2010]

¹⁷ Скорее всего – калька с латышского: *Man nav telefona*. В латгальском, к стати, присутствуют обе формы: и *Maņ navā telefona*, и *Pi taņa navā telefona*.

- составных – *ставить укол, ставить капусту / варенье, давать спасибо / здрасте*¹⁸, *держат землю / картошку / вечеринку, резать дрова*¹⁹ и др.;
- фразеологических – *бить лынды 'бездельничать', кричать гвалт, кричать ретунку 'звать на помощь'*²⁰, *сам коло себя 'не нуждается в уходе', навести панику, снять с языка 'только что говорить о прошедшем', с рук не вывалится 'мастер', сулиха и недаха – родная сестра* и др.;
- словообразований – префикс *за-* в значении чрезмерности: *Зажарко мне будет дома в таком свитере сидеть, Зарано мы яблоки сняли*, глагольный префикс *за-* в значении законченности: *заагитировать, запахать, захоронить*, глагольный префикс *с-* в чисто видовом значении законченности: *сойти, спяхать, сменять*, глагольный префикс *от-* в значении законченности и завершения: *Целых десять лет отждала, Дети отошли все от меня*, суффикс *-ина* со значением единичности: *газетина, гирина, конфетина, котлетина*, экспрессивные суффиксы: *дождёк, супок, фонарёк, шкапик, школка, молочинка, воркотня, сапожонки, туфлёнки, коровёшки, братуха*²¹, суффиксы *-к, -иц* для наименования женщин по профессии: *учителька, докторица*, суффикс *-ёнок/-ёнят* для обозначения детей и детёнышей: *собачонок, Этим мальчентятам надо учиться, оны в армию пойдут, а девчентятам не надо*, собирательные числительные *вдоёх, втроёх, вчетырёх, впятих, вшестих, вдесятих*, новообразования *земесы 'земессарги, народное ополчение', двухлатовик 'монета номиналом 2 лата'* и др.;
- грамматических, в том числе – морфологических (*болоты, дома, дрова, глаза; на работи, на земли, на столи; одеваться – одеюсь, ездить – езжю; Гладани мне брюки, Черкани Илоне пару строк; Бегишь домой, Напекём гульбишников*). [Королёва 1998]

Из статьи можно сделать вывод, что в двинской русской речи существенно влияние окрестных староверческих и белорусских говоров, а также польского языка, что вполне закономерно. Влияние латышского и латгальского тоже чувствуется, но существенно меньше. С латгальским много общих заимствований из польского и белорусского языков.

Иная картина вырисовывается в публикациях исследователей филологического факультета Латвийского университета (расположен в Риге) – Надежды Николаевны Ключко и Татьяны Викторовны Лигуты. Описывая общелатвийскую, т.е., в основном рижскую русскую речь, Лигута пишет: «Наиболее заметным явлением в русскоязычной речи в Латвии является влияние государственного, латышского языка.» [Лигута 2007]

Авторы описывают следующие лексические отличия:

- кальки: *Они вчера приходили ко мне оба два* [abi divi]; *У нас вводится должность студийного методика* [studiju metodikis – методист по учебной работе]; *Сегодня в Национальной опере состоится премьера Шестой симфонии*

¹⁸ В латышском: *Padot labdienas*.

¹⁹ В латгальском тоже *Grīzt molku.*, а в латышском – *пилить: Zāģēt malku.*

²⁰ Полонизм. В латгальском тоже: *Klīgt ratunkys. Klīgt ratunkā.*

²¹ Возможно, это влияние латгальского: в балтских языках – и латышском, и латгальском, и литовском – уменьшительные формы употребляются гораздо чаще, чем в русском литературном.

И.Калниньша. Интересно, что она была написана в Лиенае, как и другие парные [rāra – четный] симфонии композитора; Ассоциация военных врачей Латвии организует благотворительную акцию для создания центра реабилитации [rehabilitācija – реабилитация] подростков-наркоманов;

– прямые заимствования: *Аплицібы [aplicība – свидетельство, табель] нам выдадут в пятницу.*²²;

– семантические и словообразовательные кальки: *По традиции будут чувствовать и четырех новых [jauns – новый и молодой] ученых ; Что касается работников [darbaņēmējs – работник, дословно: берущий работу, ср. darbadevējs – работодатель];*

– морфологические заимствования, в основном – категориально оформление интернационализмов: *В цирке - рождественский карусель [karuselis – мужской род]; Банка [banka – женский род] сегодня не работает;*

– синтаксическое влияние (в основном – в глагольном управлении): *Наши предположения базируются на прежний опыт [balstīties uz ko + внутренняя интерференция опираться на что]; Мы приехали с автобусом [braukt ar ko], а они на машине).*

В рижской речи часто встречается и отмеченная Королёвой в двинской речи конструкция с дательным падежом в значении *у кого* (*Мне болят уши; Мне многие знакомые так и делают; Надо кому-нибудь спросить; Педагогам есть повод для небольшой радости*). Наблюдаются и изменения в порядке слов: (*У нас представлены социального риска семьи [sociālā riska ģimenes]; Это будет только препятствовать преодолению в советское время образовавшегося [padomju laikā izveidojušās] языкового барьера.*)

Насчёт интерференционных явлений в русской и латышской фонетике и просодии авторы пишут: «Одна из сложностей в изучении этого явления состоит в том, что может быть выделен целый корпус фактов, которые сложно однозначно квалифицировать как собственно латышское влияние. Иногда здесь может наблюдаться влияние соседнего белорусского или польского языка, а также русского просторечия и старожильческих говоров Латгалии. В качестве таких явлений можно назвать дзеканье, отвердение *ч* и *ц*, дифтонгическое произношение *о* в отдельных словах - [шк^уола], [в^уот], отсутствие удвоения согласных в произношении [каса], [гама]. Часто приходится слышать о специфическом «акценте», особой мелодике местной русской речи. Очевидно, это объясняется некоторым удлинением и повышением тона в ударных гласных. Достаточно высокая степень "интериоризации" близкого контактирующего языка проявляется и в частотных случаях смешения интонационных конструкций. В последние годы в русской речи под влиянием латышского языка распространились такие явления как повышение тона в конце повествовательного предложения, интонация незавершенности при переспросе, перенос ударения на первый слог в иноязычных словах, особенно именах собственных (*Сегодня в столице Словении Любляне начинается конкурс*) ...» [Клочко, Лигута 2007]

²² По нашим наблюдениям уже в 1980-е годы в рижской русской речи присутствовали общеизвестные кальки (например, *мелкий* в значении *ребёнок* (*sīkais*)) и заимствования (*замакать – заплатить* (*samaksāt*)).

Выводы

Из вышеописанного становится ясно, что ввиду регионально-исторических различий невозможно говорить о какой-то единой речи латвийских русских. В то же время мы можем выделить основные виды таковой. С диалектологической точки зрения интерес представляют говоры старообрядцев Латгалии, и сами по себе, и в контексте тамошних белорусских, польских, латгальских и, возможно, литовских говором. Современную городскую речь, очевидно, надо изучать по-разному: в Латгалии – совместно с окрестными говорами²³, в остальной Латвии – ограничиваясь только самой городской речью, конечно, в обоих случаях большое внимание уделяя влиянию латышского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Клочко, Лигута 2004: Клочко Н.Н., Лигута Т.В. Русский язык в Латвии: социолингвистический профиль ситуации. // Вопросы филологии. 2004, №2 (17), Москва. с.101-108.

Королёва 1998: Королёва Е.Е. Диалектные черты городского просторечия г. Даугавпилса. // Valoda-1998. Humanitārās fakultātes VIII zinātniskie lasījumi. Leksikoloģija, fonētika, gramatika. – Daugavpils: DPU, 1998. 14.-24.lpp.

Королёва 2006: Королёва Е.Е. Лексика Прейльских говором старовером (современное состояние). // Latvijas Universitātes raksti. 707. sēj.: Valodniecība. Rīga, 2006. 7.-13.lpp.

Лигута 2007: Лигута Т.В. Состояние и перспективы русского языка в Латвии. // Методическая конференция Латвийской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (ЛАПРЯЛ), 2007.

Немченко, Синица, Мурникова 1963: Немченко В.Н., Синица А.И., Мурникова Т.Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говором Прибалтики. Рига: ЛГУ, 1963.

Семенова 1972: Семенова М.Ф. О русских старожильческих говором Латгалии. // Русский фольклор в Латвии : песни, обряды и детский фольклор. Рига: Лиесма, 1972. с.11-20.

Фридрих 1972: Фридрих И.Д. Предисловие. // Русский фольклор в Латвии : песни, обряды и детский фольклор. Рига: Лиесма, 1972. с.3-9.

Brikmanis 2010: Brikmanis A. Vecticībnieki Latvijā. 29/VI/2010. <http://www.catholic.lv/main.php?parent=3396>

CSP 2010: Pastāvīgo iedzīvotāju nacionālais sastāvs statistiskajos reģionos, republikas pilsētās un rajonos gada sākumā. <http://data.csb.gov.lv/Dialog/varval.asp?ma=IS0200&path=../DATABASE/Iedzsoc/Ikgad%E7jie%20statistikas%20dati/Iedz%EEvot%E2ji/&lang=16>

LR ĀM 2010: Latvijas Republikas Ārlietu ministrija. Mazākumtautību izglītība Latvijā. 4/X/2010. <http://www.mfa.gov.lv/lv/latvia/integracija/mazakumtautibu-izglitiba/>

²³ Учитывая географические, исторические и этнические факторы, Двинск и Режицу следует изучать отдельно.